Андрей Стародубцев

СПЛЕТНИ

Андрей Стародубцев
Сплетни.com

https://litres.ru/74777467
SelfPub; 2026

Аннотация

Мария Соловьёва, владелица салона красоты на Васильевском острове и, пожалуй, самая осведомлённая женщина Петербурга, найдена мёртвой в своём салоне. При этом никаких следов взлома нет: дверь не повреждена, стекло целое, а отпечатков пальцев — ни одного.

У Марии было три близкие подруги: психотерапевт Вера, журналистка Лиза и Ника, жена известного застройщика. Они знают нечто важное, о чём пока не догадывается следствие. За неделю до смерти Мария позвонила каждой из них и произнесла одну и ту же фразу: «Завтра всё закончится». При этом она намекнула каждой на что то личное.

Сразу после этого начинают умирать и другие люди, которым была известна тайна Марии. Совпадение — или кто то методично убирает свидетелей?

Ключ ко всему — сайт «Сплетни.com».

Сплетни.com

Глава 1. Салон на Васильевском

Мария Соловьёва, владелица салона красоты на Васильевском острове и, пожалуй, самая осведомлённая женщина Петербурга, была найдена мёртвой в своём салоне. Это случилось ранним утром, когда мастер по маникюру первой пришла на смену и, привычно толкнув стеклянную дверь, замерла на пороге.

Мария сидела в своём любимом кресле с высокой спинкой, слегка откинувшись, с идеально уложенными волосами и загадочной улыбкой на лице, будто прислушивалась к чему-то что могло помочь разгадать тайну её смерти. Это была приватная зона, которую Мария называла «приемной», но по факту была комнатой для сплетен.

Величественная поза покойной словно намекала — перед вами Мария, королева сплетен на своём троне утопающем в полумраке и сверкающем золотом. Это было ее царство теней где власть измерялась не титулами, а знанием чужих тайн. И даже в этой неподвижности, в этой застывшей тишине, она будто продолжала царствовать: невидимая корона сплетён из чужих секретов всё так же держалась на её голове, а бархатная штора служила тяжёлым занавесом, отделяющим её владения от остального мира.

Пустой бокал у ее ног лежал на боку, будто его аккурат-

но положили, а не уронили в спешке. Тонкая ножка не треснула, края остались безупречно чистыми — ни сколов, ни царапин. Тёмное пятно под ним расползлось неровным кругом, впитавшись в ворс ковра ручной работы, который Мария когда-то привезла из Стамбула. На столе рядом стояла бутылка шампанского — полупустая, с каплями конденсата, стекающими по стеклу.

На столе, чуть в стороне от бутылки, лежала раскрытая записная книжка в кожаном переплёте. Страницы были загнуты на середине — на записи, сделанной размашистым почерком: «*К. — 19:00. Не опаздывать*». Рядом валялась ручка с золотым пером — та самая, которой Мария подписывала договоры. И ещё — крошечный обрывок бумаги, почти незаметный под краем скатерти: на нём были нацарапаны цифры, похожие на часть номера телефона, и одна буква — «А».

В воздухе витал лёгкий запах её любимых духов — сладковатый, с нотками жасмина и горького миндаля, — он смешивался с едва уловимым металлическим оттенком, который появляется там, где пролилась кровь, и запахом историй, которые были сотканы сплошь из грязных тайн, в череде которых теперь стало на одну больше. Но, никто пока не хотел замечать эту деталь. Тайна смерти Марии Соловьёвой оставалась плотной, как тот самый бархатный занавес, скрывавший её кабинет — и пока никто не решался отдёрнуть ткань до конца.

К обеду город уже всё знал: в чате «Сплетни.com» то и

дело мелькали фразы и заголовки о том, чего пока не знала даже полиция:

«Девочки, внимание! Салон красоты на Кленовой больше не откроется. Хозяйку нашли мертвой... Такая молодая… говорят — это точно убийство...

А в городском чате тем временем шла обычная жизнь: дочь известных родителей несмотря на взятку, провалила ЕГЭ, чей-то муж был замечен с чужой женой при пикантных обстоятельствах, а кто-то готовился покинуть родные берега с надеждой, что там, куда он едет — у него наконец-то все получится. Город «ел» информацию и насыщался. Ему не было дела до мёртвой женщины с красивым именем.

Глава 2. Подруги

Вера Кошкина жила в старой квартире на Большом проспекте — с высокими потолками, на которых висела пыль двух эпох, и с мужем, который в последнее время слишком часто «задерживался на работе».

Она прочитала новость о смерти Соловьевой в десять утра, в приёмной своей клиники на Петроградской, и её рука с телефоном чуть дрогнула. Не от полученной новости – нет. Она, за все годы практики, научилась держать ситуацию под контролем: её клиенты люди, которые говорят о таких вещах, о которых лучше не говорить вслух.

Вера смотрела на экран телефона, где в чате мелькали всё

новые версии: кто-то клялся, что видел у салона чёрный внедорожник без номеров; кто-то уверял, что Мария накануне ссорилась с поставщиком косметики; а кто-то выкладывал ее фото с неизвестным мужчиной на фоне салона и с подписью: «Это точно он…».

Она медленно положила телефон на стол и тихо выдохнула. В приёмной было тихо, только тикали часы над дверью — размеренно и равнодушно. Пациенты терпеливо ждали приема: кто-то с тревогой, другие со страхом, но все с надеждой. Её тревога была другой - тихой, ледяной, сжимающей грудь так, что становилось трудно дышать. Смерть Марии, её подруги меняла если не все, то очень многое и, как ни странно, такой результат её вполне устраивал: «нет человека — нет проблемы». Эта заезженная фраза, словно штамп из дешёвого детектива, до сих пор исправно работала.

«Завтра… завтра всё закончится», — вспомнила она слова Марии. А если нет? Если это убийство — тогда всё только начинается. Но сейчас ее больше волновал другой вопрос — муж. Отношения с ним мягко сказать были натянуты и она толком не знала в чем тут дело.

Вечером, за ужином, Олег неожиданно произнес:

— Мне сегодня звонили. Сказали, что о тебе ходят разговоры.

— Какие? — удивилась она.

— Нехорошие. О тебе и о Марии. О том, что вы… больше, чем подруги, и меньше, чем врачи.

— Бред какой-то. — Вера держала ложку ровно, словно скальпель в момент операции. Но внутри неё что-то щёлкнуло: не «кто-то рассказал» — кто-то *купил*. Про «больше и меньше» не знал никто вне этих стен и уж точно не ее муж. Это знание было лишь у одного человека на свете. Теперь оно лежало в морге на Фонтанке — вместе с его владелицей.

— Ты не понимаешь, — Олег стал собирать со стола делая это очень аккуратно, как раскладывают улики. — Мне звонил неизвестный человек. Не представился. Но он откуда-то знает и тебя, и Марию…

— Мы с Марией публичные люди — нас многие знают. Что тут криминального?

— А эти твои задержки на работе…

— Как и твои. Почему-то я не ставлю тебе это в вину.

Олег поморщился и глубоко вздохнул, пытаясь удержать резкие слова, готовые сорваться с языка.

— Ладно… Ты права. Но будем честны: у тебя кто-то есть?

— А у тебя?

— Похоже, разговора у нас не получится?

— Мы уже разговариваем. Только я не очень понимаю, о чём.

— О тебе!

— Ладно… Вот я перед тобой. Если я в чём-то виновна — брось в меня камень.

Её слова прозвучали спокойно, но в них дрожала едва ула-

вимая горечь. Олег только покачал головой, глядя куда-то мимо, будто искал в воздухе правильный ответ, который никак не хотел проявляться.

— Мне надо уехать, — тихим голосом заявил он.

— Хочешь уехать — хорошо.

— И это всё, что ты мне можешь сказать? — он поднял на неё взгляд, в котором смешалось ожидание и обречённость. Он словно надеялся выхватить из её глаз хоть искру чего-то большего — признания, оправдания, даже упрёка. Но ничего не было.

— Если ты веришь каждому, кто тебе звонит, зачем меня спрашиваешь? — удивилась она. — Хочешь верить — верь и дальше. Что бы я ни сказала, ты, по-видимому, всё уже решил.

Олег подошел к окну и помолчав спросил:

— Точно не хочешь ничего сказать?

Она не ответила, лишь покачала головой. И впервые за восемь лет поняла, что боится не за пациентов.

Ника Воронцова жила с мужем в новой квартире с видом на Неву — стеклянная коробка, где всё дорого и богато. Кирилл, застройщик, вернулся из командировки и в тот же вечер заперся в кабинете — говорил по телефону, тихо, словно секретный агент который боится, что его услышат.

А ночью Ника сделала то, чего никогда раньше не делала: *залезла* в его телефон, пока он спал. И нашла переписку с

некой Марией, чей номер ей был незнаком:

— Ты уверен, что она будет молчать?

— Она молчит все эти годы.

— А если заговорит?

— Тогда меня будет не спасти.

— Она твоя жена, тебе ее не жалко?

—А у меня есть выход?

— Ладно, согласна. Ты придешь?

—Когда я отказывался?

Ника положила телефон на место и просидела в тёмной гостиной до утра. Она была не первой женой, которая узнала об измене, женщиной, у которой собственный муж что-то скрывал. И в этом «что-то» таилась куда более тяжёлая неопределённость, чем любая измена.

Она не спешила собирать улики из обрывков фраз и не тянулась снова к экрану, чтобы перечитать переписку. Как психоаналитик, она знала: поспешные выводы — это не прояснение, а защита от тревоги.

«Сначала — контекст, — мысленно проговорила она, словно вела с собой супервизию. — Не интерпретировать симптом, пока не увидишь поле, в котором он возник».

Она вспоминала последние недели: как муж стал чуть медленнее отвечать на сообщения, как в его интонации появилась эта новая, аккуратная мягкость — не нежность, а осторожность. Он не избегал её, но будто создавал невидимую преграду и старался ее не задеть. И это было важнее

любых прямых противоречий.

«Осторожность может быть частью вины, — рассуждала она дальше, раскладывая варианты, как раскладывают карты таро на столе. — Но может быть и частью страха. Или частью попытки справиться с чем-то, что он не готов ей пока раскрыть. А может, это просто стресс на работе, проблемы родственника, долг, который стыдно назвать вслух…»

Она ловила себя на том, что мысленно подтягивает факты под версию «он мне изменяет» — и тут же останавливала этот импульс. Это была не холодность, а профессиональная дисциплина: не позволять аффекту диктовать диагноз. «Если я сейчас решу, что знаю, в чём дело, — я перестану видеть. А мне нужно видеть».

В памяти всплыл случай из практики: клиентка, которая была уверена, что муж её обманывает, потому что он «стал другим». Оказалось, он готовил ей сюрприз — планировал переезд туда, где она всегда мечтала жить. И эта история сейчас звучала в голове как предупреждение: реальность не обязана совпадать с самой пугающей гипотезой.

Но было и другое воспоминание: мужчина, который годами скрывал зависимость, и все эти «мелкие странности» складывались в одну картину только задним числом. «Значит, нельзя сбрасывать со счетов тревожные сигналы, — продолжала она внутренний диалог. — Но и нельзя принимать их за доказательство».

Тиканье часов на полке казалось ей ритмом, который дол-

жен был что-то подсказать. Она смотрела в темноту и собирала не обвинения, а наблюдения: когда началось, как проявлялось, в какие моменты муж становился особенно осторожным. Это был не поиск улик, а составление анамнеза — чтобы потом, когда придёт время говорить, не опираться на эмоции, а опираться на факты.

«Главное — не разрушить то, что ещё можно сохранить, — подумала она. — Даже если правда окажется тяжёлой, я хочу встретить её не в панике, а с ясной головой. Пусть он сам всё расскажет».

И она сидела в темноте, позволяя себе чувствовать эту тяжесть, не пытаясь её немедленно объяснить. Потому что иногда самое профессиональное, что можно сделать, — это просто быть с неизвестностью, не торопясь её заполнить домыслами.

А утром, ей позвонила Вера и рассказала ей новость про Марию.

Лиза Чайкина — вернувшаяся из Москвы журналистка, живущая в съёмной однушке у «Чкаловской», — вновь вышла на сайт «Сплетни.com». Она слышала о таком сайте когда делала единственный стоящий материал в своей карьере, про утечки данных. Тогда она писала о том, как личная информация становится товаром, а затем этот товар превращают в оружие.

Она прокрутила ленту чата, и взгляд зацепился за пост

про салон на Васильевском. Она читала и не верила своим глазам:

Мария Соловьева убита своим любовником. Говорят его зовут Кирилл. Убита из-за денег… Теперь он хозяин салона.

Дальше шли комментарии — не слова, а камни, которыми забрасывают уже после того, как человек упал.

- Точно, я так и думала…

- Она вечно заводила шашни с мужиками вот и получила свое.

- Кирил бандит, она у него не первая.

- Фотки этого парня есть?

- Тебе зачем? Хочешь компанию Марии составить?

- Могу тебе его описать: высокий с голубыми глазами, блондин, ездит на Порше, они постоянно были вдвоем последнее время, - вещала уверенная незнакомка, будто сама стояла за спиной и всё видела.

И под этим постом уже двести комментариев — люди не спорили, они подтверждали. Словно каждый новый лайк был выстрелом, а жертва даже не знала, что по ней стреляют.

Лиза захлопнула крышку ноутбука и откинулась в кресле. Ну что за дичь, почему так происходит, как будто у людей нет других дел. В чем проблема? Но в глубине души она понимала, что *п*роблема современного общества не в том, что люди говорят друг о друге. Проблема в том, что сегодня сплетня перестала быть просто разговором — она стала технологией разрушения.

Слух в цифровую эпоху — это пуля с автонаведением: она не просто попадает в цель, она сама находит слабые места. Один пост, одна «утечка», один анонимный комментарий — и вот уже рушится репутация, распадаются семьи, люди теряют работу. Причём удар наносится не по факту, а в спину, бьет по страху: люди пересылают то, что их пугает, и тем самым придают сплетне вес доказательства.

Так сплетня становится вирусом. У неё есть своя механика распространения: она мутирует при каждом пересказе, обрастает деталями, становится всё страшнее и убедительнее. И чем меньше в ней правды, тем охотнее её передают — ведь именно неопределённость сильнее всего цепляет эмоции. А эмоции — это топливо для репостов.

Раньше, чтобы пустить слух, нужно было рискнуть собственной репутацией. Сегодня достаточно кнопки — «опубликовать». Аноним снимает с человека ответственность, но не снимает последствий для жертвы. И самое страшное — отвечать некому. Ты можешь опровергнуть ложь, но не можешь поспорить с тенью.

В прошлом у человека был хотя бы шанс: пока сплетня дойдёт из одного конца города в другой, можно было что-то объяснить, оправдаться, собрать союзников. Сегодня ложь распространяется за минуты, а восстановление репутации может занять годы — если это вообще возможно.

Лиза понимала: этот сайт — не просто площадка для сплетен. Это машина, которая перерабатывает чужую боль в

трафик и просмотры. И единственный способ противостоять ей — не пытаться перекричать толпу, а вернуть в разговор факты, ответственность и имя. Потому что сплетня сильна, пока она анонимна. Как только за словами появляется человек, готовый отвечать за них, магия разрушения исчезает.

Она снова открыла ноутбук и начала писать — про сайт, саму систему, которая делает такие истории возможными. Потому что если не рассказать, как работает эта машина, она будет продолжать ломать жизни — тихо, быстро и почти незаметно.

В какой-то момент она снова вернулась к сайту где за броскими заголовками пряталась совсем другая правда. Ей хотелось не чужих пересказов, не сплетен из третьих уст, а живого, осязаемого примера — увидеть, как этот механизм работает изнутри. Она вошла в личный кабинет под чужим аккаунтом, купленным у знакомого с форума за криптовалюту и сделала запрос на имя Марии Соловьёвой.

Интерфейс сайта был почти скромен: окно «Запрос», поле «Вознаграждение», два раздела: «Купить» и «Заказать».

«Купить» — любая информация о любом человеке: с кем ночует, чем болен, о чём молчит его нотариус. Цена зависела не от сложности, а от того, насколько тебе это нужно. «Заказать» — услуга, у которой нет названия в приличном словаре: опорочить, развести, уволить, выдавить из города. Все что от тебя требуется - просто заплати. Ты назначаешь цену и ставишь условие и уже на следующий день город начинал

говорить нужные слова — в очередях, в курилках, в родительских чатах, — и никто из говоривших не понимал, что он курьер: каждому казалось, что он сам всё заметил.

Самой дорогой позицией в прайсе была не ложь. Самой дорогой была полуправда — чуть сдвинутая, неотличимая от правды и потому непобедимая.

Ответ пришёл минут через пять, и это был не компромат. Это был короткий текст, вежливый, как счёт за коммуналку:

Уважаемая Л. По субъекту «М.С.» обслуживание прекращено в связи с наступлением события, предусмотренного регламентом. Средства возвращены на ваш кошелёк. Хорошего дня!

Сайт знал, что Мария мертва и называл её смерть «событием, предусмотренным регламентом» …

Глава 3. Страх

Они сошлись в тот же вечер — в квартире Веры, над остывшим ужином, который никто не тронул. Выяснилось то, чего каждая боялась в одиночку: Мария звонила всем троим за неделю до смерти и говорила одну и ту же фразу: «Завтра всё закончится».

Но страшнее этих слов были намёки — тихие, ядовитые, бьющие точно в самое уязвимое место. Вере она бросила полунамёк про их общую тайну, о которой Вера старалась не думать, но которая каждую ночь возвращалась к ней в тревожных снах. Нике — туманное обещание: «Брак — вещь

не постоянна…». А Лизе — зловещее обещание того самого материала, которого она ждала два года.

Они сидели, прижавшись плечами, будто тепло друг друга могло защитить от того ледяного сквозняка, что потянуло из прошлого с каждым новым словом. И в этот миг стало ясно: Мария не просто звонила. Она оставляла следы. И теперь эти следы вели прямо к ним.

— Я не могу поверить, что ее нет… Мы говорили с ней недавно. Сказала: «Все закончится завтра…», — упавшим голосом произнесла Ника.

Лиза тут же подняла голову и подозрительно посмотрела на подругу:

— Мне она сказала тоже самое.

— И мне, — подтвердила Вера.

— Почему она это сказала? — задумчиво произнесла Лиза, глядя в бокал. — И что закончится?

— Да, зачем? — поддержала подругу Вера. — И откуда она вечно все знает?

— Она всегда и обо всех всё знала, — почти по слогам подтвердила Ника. — Её салон — вертеп слухов и сплетен.

— Ну, такие уж мы женщины, — философски заметила Вера, рассеянно поворачивая в пальцах чашку, от которой вился тонкий пар. — Хотя я склонна называть это *разговором по душам*. Это как покаяться, а для исповеди все места хороши. Если ты узнала новость и передала её подруге, разве это преступление?

— Новости нет, а вот сплетни — да, — резонно заметила Лиза, отставив чашку так, что фарфор тихо звякнул о блюдце. — Разница в том, что новость принадлежит событию, а сплетня — человеку. Есть вещи, о которых открыто не говорят, потому что они не для чужих ушей.

— Тогда откуда Мария *всё* знала? — спросила Ника, понизив голос.

При этих словах каждая подумала о самом сокровенном — о том, что прятала, словно сокровище, зарытое в землю.

Лиза первой пришла в себя достала из сумочки телефон и пробежала пальцами по экрану.

Все трое устреми взгляд на открывшийся сайт «Сплетни.com».

— Узнаете? — Лиза словно следователь на допросе внимательно посмотрела на каждую из подруг. — Думаю да. Ведь каждый пятый человек в этом городе хотя бы раз что-то здесь покупал… Я почти уверена, что Мария была дверью в этот чат. И кто-то только что снял дверь с петель. И если честно, некоторые точно сказали: «Аминь!» Как знать какие тайны вылезли бы наружу завтра.

Вера округлила глаза и едва не прикусила губу подумав о папке, что лежала в сейфе на работе. Ника вспомнила про переписку Кирилла.

Комната как-то разом покрылась инеем сотканным из тревог и страха.

— Вы думаете, она *сама* умерла? — неожиданно спросила

Вера.

— Я думаю ей *помогли*, — уверенно ответила Лиза, — её «заказали». Другое дело – кто? Ведь это мог быть любой, скажем… кто-то из нас.

— Из нас? — воскликнула Ника, — «Мисс сенсация» ты совсем спятила?

— Всегда есть тайны за которые можно убить… — возразила Лиза. — Ведь так?

Ответа она не получила, хотя их молчание говорило красноречивее любых слов.

В ту ночь никто из них не спал. А в пять утра все три телефона разом дрогнули — одно сообщение, трём адресатам, без подписи:

Хорошего дня.

Глава 4. Череда смертей

Вскоре городской чат «Сплетни.com» снова ожил, наполняясь слухами и домыслами. И было от чего.

Артём Васильев, модератор газеты «Городская молва», человек, набитый слухами, как подушка пером, разбился на легкомоторном самолёте…

Всё списали на отказ сердца. Бывает, сказал врач; бывает, согласился патологоанатом после вскрытия. Так и записали: острая сердечная недостаточность в полёте, потеря управления. Никого это особенно не удивило — Артём в последнее время сильно нервничал, почти не спал и на вопросы о са-

мочувствии отвечал странно.

Никто не знал главного. За четыре часа до вылета на почту Артёма пришло письмо. Не угроза, не приказ — тайна, ценою в жизнь. Человек, набитый слухами, как подушка пером, умер вместе с содержимым этой подушки.

«Городская молва» в тот же день перестала обновляться — впервые за пять лет. Но затишье продлилось ровно сутки. На следующее утро газета ожила: место Артёма занял его заместитель, тот самый, что годами вздыхал за его спиной и действовал по принципу: свежая кровь не помешает.

Город новость проглотил и не заметил. Город вообще никогда не замечал «мелких деталей» — людей которые делали свою работу, тем более мёртвых.

Третья смерть не заставила себя ждать и вскоре умерла Зоя Аркадьевна, Администратор ресепшена в элитном бизнес-центре с Петроградской и по совместительству администратор чата «Сплетни.com», та самая, что пять лет назад открыла его для округа и кормила всех сплетнями. Её нашли в кресле перед столом, с книгой на коленях. Это был реестр: страницы, заказы, имена.

Пять лет назад, непонятно кто, методично подтачивал душевное равновесие Зои Аркадьевны. Анонимные письма приходили без угроз, без оскорблений — оттого и ранили больнее. В них не было угроз, только фейки: выдуманные романы, сфабрикованные снимки, пикантные детали, будто кто-то терпеливо собирал из лжи мозаику её частной жизни.

Каждое письмо ложилось на душу, как капля воды на камень, — постепенно и неизбежно подтачивая изнутри.

И настал день, когда она поняла: история её жизни подошла к концу. Точка должна быть поставлена. Крыша пятого этажа оказалась не самым удачным выбором — слишком низко, слишком буднично. А где в сердце Петербурга найти что-то повыше, чтобы разом оборвать эту тянущуюся, как старая струна, боль?

Она стояла на краю крыши и смотрела на подъезд, где через мгновение должно было упасть её тело, и ждала своего момента. Но он почему-то всё не наступал. Время шло, но для нее весь мир застыл в одном мгновении. И тут к подъезду подъехала скорая — резко, неожиданно, будто сама жизнь решила вмешаться. Из машины выбежали врачи, метнулись внутрь подъезда. Зоя ждала. Её решимость таяла, словно лёд в тёплой воде. Терпение истончалось, крошилось, исчезало. Момент был упущен.

Она вернулась на землю, но не тем путём, каким задумала, — на лифте, в тишине, под мерное гудение кабины. В квартире первым делом поставила чайник, потом, почти машинально, сделала пару бутербродов. Десять минут спустя мир уже не казался безнадёжно чёрным, но боль никуда не делась — сидела где-то глубоко, как заноза, которую не ухватить, не вытащить — только чувствовать при каждом движении.

Именно тогда кто-то, как бы между делом, посоветовал ей обратиться в одно агентство — туда, где умеют оборачи-

вать оружие против тех, кто его пустил в ход. «Око за око», — прозвучало в разговоре почти буднично, но в этих словах Зоя вдруг услышала не призыв к жестокости, а возможность вернуть себе равновесие, отнять у обидчиков ту самую власть, что годами сжимала её горло невидимой рукой.

Дверь «Сплетни.com» распахнулась, словно давно ждала её, и приняла нового гостя в свои холодные, расчётливые объятия. Не раздумывая, Зоя нашла окно «Заказать» и сделала то, что подсказывали не мысли, а сами руки. Она заказала правду.

Информация пришла через две недели и оказалась проста: компромат на нее писала ее же сестра... Та самая, которой она рассказывала все ничего не скрывая. Тогда Зоя Аркадьевна заказала месть. Но не ту, что кричит и бьёт в лицо, — а ту, что входит тихо, как сквозняк, и выстуживает изнутри.

Она попросила «Сплетни.com» сделать три вещи.

Во-первых, собрать всё, что сестра годами прятала в закрытых чатах, в удалённых переписках, в заметках, куда скидывала мимолётные признания и слабости. Не для публики — пока только как основу своего плана.

Во-вторых, создать одну-единственную, идеально выверенную утечку: короткое сообщение, будто случайно попавшее в общий рабочий чат сестры. В нём — фраза: «Я знаю, что ты сделала, но ты не знаешь, что я сделаю с тобой …».

В-третьих, запустить в нужных кругах одну тихую, но цеп-

кую сплетню: будто сестра годами собирала досье на близких, чтобы в нужный момент использовать его как страховку. Не обвинение, а намёк. Доказательств нет, а осадок остаётся.

Она ждала, как ждут, когда утихнет ветер, который долго трепал ставни. Неделя тянулась невыносимо долго, давая сплетням время либо разрастись, либо рассыпаться в пыль. А потом всё прекратилось.

И вместе с тишиной к Зое медленно возвращалось прежнее спокойствие — не то, что бывает после победы, а тихое, почти незаметное, как возвращение домой после долгой и ненужной дороги. Она снова чувствовала свой ритм: утренний кофе, шуршание страниц в книге, тишину в квартире, которая больше не звенела от напряжения.

Однажды вечером, когда за окном уже сгущались сумерки, а город зажигал огни, словно ставил точки в этой истории, Зоя села у окна, посмотрела на экран телефона — и написала сестре короткое сообщение. Без предисловий, без намёков, без попытки ранить. Просто слова, в которых было всё: та граница, которую она не собиралась переступать.

«Я всё про тебя знаю. И я не буду с этим ничего делать, но при условии, если ты прекратишь».

Отправила. И не стала ждать ответа. Ей не нужно было ни подтверждения, ни извинений, ни клятв. Достаточно было того, что эти слова ушли в тишину, как камень, брошенный в спокойную воду: круги расходятся, но сама гладь остаётся

ровной.

Зоя закрыла чат, отложила телефон и встала, чтобы налить себе чаю. В комнате пахло корицей и спокойствием — таким, какое приходит не от того, что враг повержен, а от того, что ты наконец перестал воевать.

Сестра читала ее сообщение, а сама Зоя в это время сидела в своей квартире на тихой улице, пила остывший чай и смотрела, как за окном падает первый снег.

Получив ценный опыт, Зоя Аркадьевна осталась при сайте — вела реестр, переписывалась с клиентами и, обладая цепкой памятью, стала живым архивом. Пока ее саму не «убрали в архив». Врач скорой сказал – инсульт, но патологоанатом все же заметил одно обстоятельство, которое меняло всю картину смерти.

В этот раз он задержался над телом Зои Аркадьевны дольше обычного — не из-за сомнений в диагнозе, а из-за того, как идеально всё выглядело. Инсульт будто разыграли по нотам: внезапность, типичная поза, отсутствие признаков борьбы. Но в криминалистике именно «идеальность» чаще всего и кричит громче всего.

Он начал с мелочей — с тех деталей, что не попадают в стандартные протоколы. На внутренней стороне запястья, почти у сгиба, он заметил едва заметную точку — не след от капельницы и не прокол от стандартного забора крови. Это был микропрокол, аккуратный, будто от тонкой иглы инсулинового шприца, но под углом, нехарактерным для медра-

ботника. Кожа вокруг не покраснела, не было отёка — значит, вещество ввели не за минуты до смерти, а раньше, и оно успело «спрятаться» в тканях.

Дальше — шея. При беглом осмотре ничего не бросалось в глаза, но при детальном изучении под лупой обнаружились микроскопические кровоизлияния в области грудино-ключично-сосцевидной мышцы — тонкие, как паутинка, следы давления. Не удушение в привычном смысле, а точечное, дозированное воздействие на сосудисто-нервный пучок: кратковременное, но достаточное, чтобы вызвать резкий скачок давления. Это не убило её сразу, но запустило каскад — тот самый «инсульт».

В крови, помимо ожидаемых маркеров сосудистого криза, нашли вещество, которое в норме не должно там быть: микродозу синтетического вазоконстриктора — средства, резко сужающего сосуды. В терапевтических дозах оно применяется строго под контролем, а в такой концентрации, да ещё в сочетании с точечным давлением на шею, становилось катализатором катастрофы.

Патологоанатом сделал пометку в отчёте: «Картина острого нарушения мозгового кровообращения, но с признаками внешнего провоцирующего воздействия. Смерть наступила в результате индуцированного сосудистого события, вызванного комбинированным воздействием — механическим и фармакологическим».

Он ещё долго сидел над бланком, подбирая слова, кото-

рые не звучали бы как сюжет из триллера, но и не позволяли бы списать всё на «естественные причины». В конце концов, написал главное: «Причина смерти — насильственная. Механизм — искусственное провоцирование инсульта».

А потом, уже про себя, добавил то, что в протокол не вписывают: «Кто-то знал, как заставить тело выдать нужную картину. И знал очень хорошо».

Глава 5. Подозрения

Майор Парфёнов сидел в своём кабинете так, будто сам был частью этой строгой, чуть обветшалой обстановки: неподвижно, прямо, с той самой тяжеловесной собранностью, которая годами вырабатывается только у следователей по особо важным делам. За окном медленно темнело, и свет настольной лампы выхватывал из полумрака стопки папок, потёртый край стола и пыль на подоконнике.

Перед ним лежали папки — дела, на первый взгляд, ничем не связанные: смерть владелицы салона, внезапная кончина модератора газеты, и убийство некой Зои Аркадьевны Малевич.

Он достал из дела отчет патологоанатома с пометкой: «Картина острого нарушения мозгового кровообращения, но с признаками внешнего провоцирующего воздействия. Смерть наступила в результате индуцированного сосудистого события, вызванного комбинированным воздействием — механическим и фармакологическим. Причина смерти —

насильственная. Механизм — искусственное провоцирование инсульта».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.